

Зимним утром город долго ленился, медленно вы-ползал из постели, тянулся, копошился, кряхтя, как двухсотлетний старик. Потом вдруг что-то хажнуло, ухнуло, вскрикнуло: скоро, скоро Новый год! И началась предпраздничная суматоха. Мчались по своим срочным делам автомобилисты, автобусы устраивали между собой гонки, опасно накреняясь на поворотах. Но пассажиры сами торопились, поэтому никто не роптал. С ума сошли светофоры, и на перекрестки вышли сонные, хмурые регулировщики.

Среди всей этой кутерьмы и шума по улице осторожно, чтобы не поскользнуться, шла сухонькая старушка и тащила за собой клетчатую сумку на колесах. В сумке был аккуратно уложен и укрыт ша-лью (от мороза) фикус.

– Уж прости меня, родненький. Рóстила я тебя, рóстила. Да вот, сказали, что за тебя мне денюжку дадут. Уж прости! Сказали: пенсию поднимут. Подняли, но и продукты тоже... дорогие...

Остановившись на светофоре, бабушка подняла голову, всматриваясь в белое небо. Начинаясь снегопад – мягкий, волнующий, такой, как будто кто-то там, наверху, опрокинул мешок с перьями, и они, прежде чем упасть на землю, водят хоро-воды, играют в догонялки и нашептывают прохожим, что чудо можно увидеть на каждом шагу.

Мария осторожно потеряла шею: она затекла и бо-лела. Чайник вскипел. Женщина налила в большую

напольную вазу кипятка, опустила в него букет хризантем, через пару секунд вытащила и приня-лась аккуратно срезать кончики стебельков, а за-кончив, поставила цветы в свежую воду. Зазвонил телефон.

– Алло! Да, готов букетик, отвезем, как дого-ва... Конечно, я сегодня допоздна, приезжайте, как сможете.

– Алло! Вась, те клиенты, что букет с коричневы-ми орхидеями заказывали, сказали, что вечером сами за ним заедут. Ты сейчас за губкой съезди лучше, она нам понадобится. И, знаешь, я с пос-тавщиками поругалась. Партию роз привезли – все подгнившие, осыпаются, не стоят никак – куда их? Ну да, придется с ними что-то придумывать. Спасибо, дорогой, пока.

Она положила трубку и потянулась за пятилитро-вой бадьей с водой: в чайничек новой воды налить, для новой порции кипятка. Цветов много, чайник один, еще и розочки спасать. Крутиться надо шуст-рее: у помощницы сын с ангиной, температурит... Вася говорит: уволь ты ее. А как уволить? Понятно же, что ребенок. Сама своего вырастила, помнит, каково это, когда дите болеет, зовет: «Мама!» И на работу надо, а у тебя никого нет, кому бы его оставить, ну совсем никого! Нет, Мария все понимает.

Женщина принялась нарезать папиросную бумагу ровными прямоугольниками. Руки работают, а в го-

лове мысли проносятся, воспоминания. Это сейчас она просто Мария. А раньше была – Мария Аркадьевна. Учительница русского языка и литературы. Мама, царство ей небесное, болела долго, лекарства нужны были, сын подрастал. Старого да малого разве поднимешь на учительскую зарплату? Уволилась. Много лет ездила помогать подруге на другой конец города, чтобы никто из соседей не узнал. Стыдно было. А потом как-то прошел он, стыд этот. Она ж не ворует, в конце концов. Сама трудится. Недавно открыла свой киоск, кредиты взяла. Вася, хоть и строит из себя большого начальника, а ей помогает. Вместе в пять утра встают, и начинается: цветы, цветы. Вся жизнь в цветах.

Звякнул колокольчик над дверью. Мария оторвалась от роз, распрямила задеревеневшую спину.

– Вам чего, бабушка? – И добавила с сомнением: – Букетик хотите? Есть недорогие, я с еловыми шишками композицию вполцены отдам.

– Деточка, я... это... фикус принесла! Мне сказали, у вас фикусы принимают. Вот, смотри, деточка. Я его с любовью ростила, он у меня ничем не болел, прикормку делала, смотри, какой зелененький, красивый...

Старушка засуетилась, осторожно вынимая фикус из сумки. Старческие руки с трудом подняли его, показывая на свету, и Мария поспешила освободить пожилую женщину от ноши:

– Давайте я возьму...

– Будете брать?

Мария вздохнула. Денег – впритык, цветов закупили много, да вот эти розы несчастные... Еще неизвестно, а вдруг по нулям, а то и в минус все пойдет.

– Мы, бабушка, цветами в горшках не торгуем. Это там дальше место есть, у перекупщиков, туда все и ходят.

«Старики в основном», – подумала Мария. Действительно, перекупщики дают старикам сущие копейки за комнатные цветы, а потом пересаживают их в красивый горшок, да и в пять-десять раз дороже выставляют в другом магазине.

– А за сколько вы продать хотите?

– Деточка, да я не знаю. Праздник же, пенсия ушла туды, сюды. Хочется что-нибудь на стол поставить. То есть ставить я не буду, но куплю на случай: а вдруг приедут?

– Дети?

– Ага, они. И внучата. Большие уже! Звонил старшой внучок, говорит: скоро прабабкой станешь. Няньчаться, говорит, будешь. Приедет, что ль? Сердце чует. Вот и думаю: продам-ка я фикус. Хоть небольшая, да денюжка будет... Ну... Пять?

Хотя не знаю, если много, то и поменьше возьму... Пойду-ка я... Отвлекаю...

– Возьмите, бабушка, десятку, – вырвалось у Марии. – Вам перекупщик столько не даст.

– Ох! Десятку! Много даешь, дочка. Но ты не торгуешь ведь?

– Домой возьму.

– Ох, деточка, спасибо тебе! Как величать-то?

– Мария.

– А по батюшке?

– Аркадьевна.

– Спасибо, Мария Аркадьевна, с Новым годом тебя! Старушка, стараясь не хлопнуть дверью, вышла на улицу.

– Спасибо, деточка, спасибо! – пробормотала она и засемила в сторону супермаркета.

И по-прежнему люди торопились перед Новым годом устроить свою жизнь, чтобы под бой курантов сказать себе: «Этот год прошел замечательно!» Загадать счастье и любовь.

А снег падал и падал.

